

Научная статья  
УДК 94 (571,51):343,19  
doi: 10.17223/15617793/510/14

## Лагерные суды Красноярского края (1945–1954 гг.)

Владимир Арнольдович Печерский<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, volody75.75@mail.ru

**Аннотация.** Рассматриваются аспекты деятельности лагерных судов на территории Красноярского края. Впервые вводимые в научный оборот документы позволяют раскрыть вопросы, связанные с формированием кадрового состава лагерных судов, особенностями отправления правосудия данными судебными инстанциями, структурой преступности в местах заключения. Анализируются причины упразднения лагерных судов.

**Ключевые слова:** Красноярский край, послевоенный период, лагеря и колонии, лагерные суды, советская юстиция, сталинизм

**Для цитирования:** Печерский В.А. Лагерные суды Красноярского края (1945–1954 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 134–142. doi: 10.17223/15617793/510/14

Original article  
doi: 10.17223/15617793/510/14

## Prison camp courts of Krasnoyarsk Krai (1945–1954)

Vladimir A. Pecherskiy<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation, volody75.75@mail.ru

**Abstract.** The aim of the article is to analyze the features of personnel formation and study the activities of prison camp courts in Krasnoyarsk Krai from their creation in 1945 to their abolition in 1954. The source base for the study was documents from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History, which were introduced into scientific discourse for the first time. Krasnoyarsk Krai was the location of a large number of prison camps and colonies, and three prison camp courts were initially organized there: the Krasnoyarsk Department of Correctional Labor Camps and Colonies (UITLiK) in Krasnoyarsk; the Krasnoyarsk Correctional Labor Camp (Kraslag) in Kansk; the Norilsk Correctional Labor Camps and Colonies (Norillag) in Norilsk. In 1951, another prison camp court was organized under the management of the Yeniseistroi of the USSR Ministry of Internal Affairs. The natural and geographical conditions of the region created serious obstacles to the organization of the activities of judicial bodies, including prison camp courts. It was difficult to transport the defendants from the crime scene to the location of the prison camp court. The distances from most of the prison camp sites to Krasnoyarsk, Kansk or Norilsk were hundreds of kilometers. The formation of the personnel of the prison camp courts was hampered by the lack of specialists with higher and secondary legal education. The newly appointed chairmen of the courts were given the right to choose their own subordinates; however, both leaders of the regional department of the People's Commissariat of Justice and the chairman of the regional court did not help them, since they did not have available personnel. The personnel issue of the prison camp courts of the region was resolved only with the help of the People's Commissariat of Justice of the USSR, whose auditor appointed members of the prison camp courts in an appearance order. The most common crime among prisoners was escape. The small number and poor training of guards contributed to the growth of this type of crime. The number of escapes decreased significantly after the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated March 27, 1953, as a result of which the number of prisoners decreased. The prison camp courts had to deal with a large number of cases of banditry. In the post-war period, places of detention were engulfed by a wave of violence: many prisoners were injured or died, so the courts acted extremely harshly towards camp bandits. Prison camp courts were abolished on April 29, 1954. Being created in a hurry, they did not solve their tasks. Trials revealed conditions that led to crimes, but camp administrations did not have resources to overcome these shortcomings.

**Keywords:** Krasnoyarsk Krai, post-war period, camps and colonies, camp courts, Soviet justice, Stalinism

**For citation:** Pecherskiy, V.A. (2025) Prison camp courts of Krasnoyarsk Krai (1945–1954). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 134–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/14

В конце Великой Отечественной войны в СССР были учреждены лагерные суды, юрисдикция которых распространялась на заключенных лагерей и колоний, вольнонаемных сотрудников мест заключения и бойцов лагерной охраны. Истории лагерных судов посвящена девятая

глава монографии Г.М. Ивановой [1. С. 371–397], монография и статьи Д.Н. Шакаревского [2–5].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в Красноярском крае, как Сибирском регионе, размещалось большое количество мест заключения, где

содержалось значительное число заключенных, а вольнонаемные сотрудники лагерей и колоний и бойцы охраны составляли довольно существенный процент населения в некоторых районах края.

Такие вопросы, как формирование кадрового состава лагерных судов края, структура преступности в лагерных подразделениях, особенности функционирования лагерной юстиции, исходя из географических и климатических особенностей Красноярского края оставались вне сферы внимания ученых.

Источниковой базой исследования являются документы из Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Фонды архивов включают: делопроизводственную документацию лагерных судов, отчеты о работе этих судебных инстанций, переписку с коллегией лагерных судов Верховного суда СССР и управлением лагерных судов Наркомата, а затем Министерства юстиции СССР. Информация, содержащаяся в документах, позволяет составить целостную картину различных аспектов деятельности лагерных судов.

Данные судебные инстанции создавались для подавления волны преступности, борьбы с нарушениями режима в местах заключения и установления единства судебной практики по делам этой категории. Цель нашей статьи – выяснить, насколько успешно были решены данные задачи.

История лагерных судов начинается с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «Об организации лагерных судов» [6. Л. 2]. Фактическое же их создание началось 16 апреля 1945 г. – в этот день нарком юстиции СССР Н.М. Рычков подписал приказ об организации специальных лагерных судов для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Согласно приказу, намечалось создать 105 лагерных судов [6. Л. 2].

В пределах Красноярского края предполагалось организовать три таких суда:

1. В Красноярске при Красноярском управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК). Данное управление имело в подчинении 7 лагерных отделений: Канское, Абаканское, Качинское, Ширинское, Черногорское, Минусинское и Усинское, а также рудник «Коммунар» и спецлагеря. Отдельные лагерные подразделения находились на расстоянии 300 км от краевого центра. Добраться туда можно было только на самолете. Среднее число уголовных дел, возбуждавшихся в подразделениях Красноярского УИТЛиК, составляло 50–60 в месяц. Примерно столько же дел возникало по поводу нарушений положений Указа Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» за прогулы и опоздания на работу.

2. В Канске при Красноярском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ или Краслаге), объединявшем 5 лагерных пунктов: Канск, Нижний Ингаш, Нижняя Пойма, Тунгуск и Тугач. Каждый пункт имел свои отделения. Расстояния от отдельных пунктов до Канска

составляло 200 км. Связь с некоторыми лагерными пунктами поддерживалась частично железнодорожным, частично – гужевым транспортом. В среднем в подразделениях Краслага, возбуждалось 40–45 дел в месяц и столько же дел, по Указу от 26 июня 1940 г.

3. В Норильске при Норильском ИТЛ (Норильлаге). Норильлаг являлся самым крупным лагерным подразделением в крае. Он находился на Крайнем Севере более чем в 2 тыс. км от краевого центра. Связь с Норильском поддерживалась пароходом или самолетом. Отделения Норильлага – совхозы «Шушенское» и «Таёжный» и Подтёсовское строительство, действовали на юге края. Только в этих отделениях возбуждалось 15–25 дел в месяц.

Руководить формированием лагерных судов в Красноярском крае, поручили старшему инспектору Главного управления военных трибуналов транспорта майору юстиции Лыжину [7. Л. 13].

Основной проблемой при организации трех судов был подбор кадров. В распоряжении краевого управления Наркомата юстиции РСФСР не оказалось специалистов с высшим юридическим образованием и большим стажем работы в органах правосудия. Поэтому для работы в лагерных судах предполагалось назначить специалистов из судов общей юрисдикции, адвокатов, юрисконсультов или нотариусов.

На должность председателя суда Красноярского УИТЛиК предложили члена краевого суда В.Н. Лакс, работать с ней должен был народный судья Мазанов. В председатели суда Норильлага прочили юрисконсульта Норильского ИТЛ Красноусова, а в помощь ему – бывшего председателя Таймырского окружного суда Перкина. В суд Краслага назначение временно исполняющим обязанности председателя получил Л.С. Самойлов, членом суда мог стать народный судья Горохов. В перспективе суд Краслага должен был возглавить член краевого суда В.П. Осетров [7. Л. 13]. Однако первоначальные планы по формированию состава лагсудов не были реализованы, многие намеченные на должности юристы не получили назначения.

Находившиеся в стадии формирования лагерные суды края столкнулись с теми же трудностями, которые испытывали в Красноярском крае суды общей юрисдикции в процессе отправления правосудия. Огромные расстояния, суровый климат и слаборазвитые пути сообщения создавали серьезные препятствия для выездных сессий судов, доставки обвиняемых к месту судебного заседания, своевременной отправки дел в центр для рассмотрения из отдельных районов Крайнего Севера.

Кадровая проблема была актуальна для судебной системы СССР в целом. С нехваткой квалифицированных юристов сталкивались все судебные инстанции в исследуемый период.

Это испытала на себе В.Н. Лакс. В докладной записке на имя начальника управления лагерных судов НКЮ СССР полковника Г.Я. Зайдина она сообщила: «По прибытии моего из Москвы 1 августа 1945 г. немедленно приступила к организации лагерного суда при УИТЛиК. 5 августа, при содействии командования УИТЛиК, получила помещение – две смежные комнаты в помещении УИТЛиК» [7. Л. 5].

Обеспечивать правосудие помогали: работавший по совместительству бухгалтер, заведующий секретариатом, два секретаря судебного заседания, одна из которых имела опыт аналогичной работы в краевом суде, другая – незаконченное высшее юридическое образование.

Комплектование же оперативного состава вызвало серьезные трудности. Вера Николаевна получила право самостоятельно набирать членов суда из народных судей края. Среди глав первичных судебных инстанций были 10 человек, которых можно было включить в состав лагерного суда, но одни из них не имели достаточного практического опыта, на других же имелась компрометирующая информация. Также она не хотела включать в состав суда женщин.

В.Н. Лакс очень ответственно отнеслась к подбору будущих подчиненных. Так, войти в состав лагерного суда пожелал бывший член краевого суда Елагин. Несмотря на то что последний состоял в ВКП (б), с 1920 г. представить его кандидатуру для рассмотрения Вере Николаевне мешал тот факт, что он служил в армии А.В. Колчака в должности писаря.

Она хотела включить в состав своего суда действующего члена краевого суда Е.Р. Дунаева. Вера Николаевна предлагала заменить его женщиной-юристом, но председатель крайсуда И.В. Анипченко возражал против перевода Ефима Романовича [7. Л. 6].

Бюрократические проволочки заставили В.Н. Лакс приступить к работе, не дожидаясь окончания формирования вверенного ей судебного органа. 15 августа 1945 г. она начала прием и рассмотрение дел. С 15 августа по 1 сентября 1945 г. в лагерный суд поступило 7 уголовных дел на 8 человек. По ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация) – 3, по ст. 58-14 (саботаж) – 3, по ст. 59-3 (бандитизм) – 1.

6 дел она рассмотрела по существу, непосредственно в подразделениях УИТЛК. Одно дело вернула на доследование из подготовительного заседания. На срок менее 8 лет лишения свободы В.Н. Лакс осудила одного обвиняемого по ст. 58-10. К 10 годам – 3, всех их признали виновными по ст. 58-14 [7. Л. 6].

Высшую меру наказания суд применил в отношении 3 осужденных. Угроза расстрела нависла над Онищенко, получившим приговор по ст. 59-3 за убийство бригадира в лагере; Киснером, признанным виновным по ст. 58-10 «за систематическую, последовательную, целеустремленную антисоветскую агитацию на протяжении всего времени пребывания в лагере» [7. Л. 6]; Неретой, приговоренным по ст. 58-14 за побег с транзитного лагерного пункта, в прошлом осужденным военным трибуналом за измену Родине на 20 лет каторжных работ [7. Л. 6]. В сентябре 1945 г. Верховный суд СССР заменил высшую меру наказания Нерете и Киснеру 10 годами лишения свободы [7. Л. 10].

В главном судебном органе СССР наиболее тяжким сочли именно убийство, а антисоветчику и беглецу позволили жить. Советские судьи в регионах боялись обвинений в либерализме и порой выносили чрезмерно суровые приговоры, которые нередко отменяли вышестоящие инстанции.

Специфика работы в лагерном суде заключалась в том, что основную массу подсудимых составляли заключенные, нередко рецидивисты. Их преступления часто отличались особой жестокостью, они не боялись судебного преследования, работать с ними было сложно. Этим объяснялось желание В.Н. Лакс сформировать мужской коллектив – такая работа требовала внутренней силы, крепких нервов и решимости выносить без жалости самые суровые приговоры.

При этом вспомогательный состав суда подобрался чисто женский. Секретариатом заведовала Т.И. Тропина. Татьяна Ивановна родилась в 1922 г. В 1939 г. она вступила в ВЛКСМ, имела общее среднее образование и окончила 6-месячные юридические курсы. На судебной работе пребывала с 1943 г.

Секретарем судебного заседания работала М.Л. Тартацкая. Мерим Лейбовна, родилась в 1923 г. С 1941 г. она являлась членом ВЛКСМ, имела общее среднее образование и окончила юридическую школу. В судебных органах работала с 1944 г.

Еще одним секретарем судебного заседания была Н.Н. Николаева, 1921 г. р. Надежда Николаевна вступила в комсомол в 1940 г. Она получила высшее педагогическое образование, а на судебной работе являлась новичком.

По совместительству работали бухгалтер К.Ф. Косова и машинистка Ф.М. Пудовкина [8. Л. 26].

Принятые на работу в суде девушки имели приличный по тем временам уровень образования и большинство из них – некоторый опыт работы в судебных органах. Вера Николаевна проделала немалую работу, чтобы сформировать коллектив секретарей, который обеспечил бы полноценную поддержку работы вверенного ей судебного органа.

1 июня 1945 г. начал действовать преобразованный из постоянной сессии краевого суда при Краслаге лагерный суд Красноярского ИТЛ. Исполняющим обязанности председателя назначили бывшего председателя постоянной сессии Л.С. Самойлова. Майор Лыжин обвинил Лазаря Степановича в том, что он не принимал мер к укомплектованию суда как оперативными работниками, так и техническими сотрудниками, поэтому кроме председателя в штате на 25 июня был только секретарь [9. Л. 1].

Л.С. Самойлов ответил на это, что назначение он получил 29 апреля 1945 г., но лишь в начале июня установили, где и как должен быть организован лагерный суд. С 29 апреля до 1 июня он рассматривал дела от имени краевого суда. В одиночестве Лазарь Степанович в июне-июле 1945 г. рассмотрел 66 дел, из 76, поступивших в новый суд. Председатель посетовал на то, что нарушения сроков рассмотрения дел нельзя было избежать, когда работал только один член суда, так как командировка в подразделения Краслага занимала от 5 до 10 дней [9. Л. 3].

Лазарь Степанович столкнулся с теми же трудностями, что и В.Н. Лакс, – острым дефицитом кадров. На 1 июня 1945 г. кроме него в суде работала только секретарь судебного заседания Окладникова, занимавшая ту же должность еще в составе сессии. В июле

1945 г. Л.С. Самойлов принял на работу секретарей судебного заседания Глушкову и Янченко, причем последняя только училась работать на пишущей машинке. В канцелярской работе, а тем более судебной, оба секретаря не имели никакого опыта.

Решая проблему подбора технических работников суда, Лазарь Степанович обратился в отдел кадров Краслага и в мобилизационный отдел Канского горисполкома, но помощи от них не получил. Не дождался он содействия и в наборе судей. Начальник краевого УНКЮ Болденков и председатель краевого суда И.В. Анипченко предложили Самойлову самостоятельно выбирать себе подчиненных. Наконец он представил на утверждение потенциальных членов лагерного суда: адвоката Казанцева и народных судей: из Канска – Грозную, и из Тасеевского района – Матуль. Однако УНКЮ не соглашалось на перевод в лагерный суд народных судей, ссылаясь на их нехватку [9. Л. 4–5].

В Канске подобрать технических работников было не так просто, как в краевом центре. По причине малочисленности населения по сравнению с Красноярском, уровень образования которого уступал таковому в центре, выбор кандидатур на секретарские должности был невелик. Набор же судей сталкивался со стандартными для новых судебных инстанций препятствиями.

Серьезной проблемой в работе суда являлось рассмотрение дел с участием сторон. В июне 1945 г. Л.С. Самойлов рассмотрел лишь 3 дела с участием прокурора и адвоката. Объяснялось это тем, что адвокаты отказывались участвовать в процессах, проходивших за пределами Канска, поскольку не могли получить гонорар с клиентов-заключенных и, таким образом, теряли время и деньги и несли лишние расходы на поездки. Особые трудности это вызывало при рассмотрении групповых дел, где имелись противоречия между обвиняемыми, и требовалось участие нескольких адвокатов [9. Л. 3].

Преобразовать постоянную сессию краевого суда в отдельную судебную инстанцию оказалось не так просто. Объем работы у Лазаря Степановича существенно возрос, поскольку теперь приходилось рассматривать не только дела, которые раньше поступили бы в постоянную сессию, но и в народные суды. Потребовалось расширить штат, что было ему не по силам.

В дело пришлось вмешаться ревизору управления лагерных судов НКЮ СССР И. Повху. Он подобрал кандидатуру члена суда при Краслаге. Работать под началом Л.С. Самойлова стал А.Т. Петров, до того бывший народным судьей в Советском районе Красноярского края. Его общее образование ограничивалось 6 классами средней школы, а в 1940 г. он окончил одногодичную юридическую школу в Красноярске, что, с переходом на двухлетнее обучение в юридических школах в 1939 г., приравнивалось к курсовой подготовке.

Для лагерного суда Красноярского УИТЛиК И. Повх, по согласованию с крайкомом, предложил кандидатуру народного судьи Сталинского района Красноярска А.Я. Вотинова, выпускника юридических курсов, работавшего на судейской должности с 1943 г.

Ревизор помог сформировать и суд при Норильлаге; в его состав вошли в качестве председателя

Горохов – бывший председатель постоянной сессии Таймырского окружного суда при Норильлаге, и члена суда – Перкин [9. Л. 30].

Фактически подбор персонала для лагерных судов оставили на усмотрение их председателей. Те же могли только просить предоставить им сотрудников из других судов. Но органы юстиции на местах и руководство судебных инстанций делали это неохотно, поскольку на место выбывших судей приходилось искать замену, а при острой нехватке квалифицированных кадров, сделать это было непросто. Поэтому для формирования лагерных судов потребовалось вмешательство союзного Наркомата юстиции.

Кадровый вопрос постепенно вошел в норму. С ноября 1948 г. суд Краслага возглавлял А.А. Савинков, окончивший в том же году Всесоюзный заочный юридический институт (ВЮЗИ). Член суда с ноября 1949 г. А.М. Брюханов в июне 1949 г. закончил заочное обучение в Иркутской юридической школе и отправился в Иркутск для сдачи государственных экзаменов.

Александр Михайлович оценивался своим начальником не слишком лестно. А.А. Савинков отмечал: «Брюханов работу в лагерном суде освоил, проявляет старание в рассмотрении судебных дел, но по некоторым делам испытывает затруднения, потому что он еще недостаточно юридически грамотен, хотя и освоил юридическую школу, но ему необходимо систематически повышать юридические знания, и в будущем году поступать в ВЮЗИ. В результате недостаточной юридической грамотности, Брюханов, при рассмотрении дел, допускает нарушение процессуальных и материальных законов. По этой причине Верховным судом СССР отменены во 2 полуг. 1949 г. 2 его приговора в отношении 12 чел.» [9. Л. 150]. Для судьи-новичка с неоконченным средним образованием такое состояние дел являлось естественным. А.М. Брюханову только предстояло стать квалифицированным юристом.

Проблема получения не только юридического, но и общего образования стояла перед многими судебными работниками. Наличие семьи, большая загруженность на работе и другие обстоятельства мешали им повысить свой профессиональный и общеобразовательный уровень.

Позднее встал вопрос об организации в крае четвертого лагерного суда. Причиной этого являлись все те же природно-географические условия региона. В ведении суда Красноярского УИТЛиК находилось управление «Енисейстрой» МВД СССР с 37 подчиненными ему лагерными подразделениями, расположенными на большом расстоянии друг от друга.

Ревизор управления лагерных судов МЮ СССР Синельников привел аргументы в пользу образования нового суда. Члены суда УИТЛиК Мельниченко и Чепилов были тяжело больны, поэтому нуждались в длительном лечении. В 1949 г. в производстве этого суда находилось 382 уголовных дела, в 1 квартале 1950 г. туда поступило 177 дел, по прогнозам за весь год могло поступить 700 дел. По мнению ревизора, даже значительное увеличение штата суда не позволило бы ему справляться со всем объемом работы. Поэтому следовало организовать лагерный суд Енисейстроя в составе

председателя, заместителя председателя, 4 судей, начальника канцелярии, 4 секретарей судебных заседаний, секретаря-машинистки, бухгалтера-статиста и курьера-уборщицы. Всего 14 чел. [10. Л. 23–24]. Предполагаемый штат суда говорил о количестве дел, возбуждавшихся в подразделениях Енисейстроя.

Вопрос об организации суда Енисейстроя неоднократно ставился в дальнейшем. На эту проблему несколько раз обращали внимание прокуратура Енисейстроя и командование этого управления. Основным мотивом организации суда называлась величина объединения, которому подчинялись более десятка горно-промышленных управлений, расположенных в разных частях края. Каждое управление имело по 2–3 лагерных пункта. Больше половины управлений обслуживались поселками, куда въезд посторонним лицам запрещался [11. Л. 134].

Руководство Енисейстроя, считало: их управление представляло собой маленькое «государство в государстве», которому полагался собственный суд. Были заинтересованы в создании этого судебного органа и члены суда Красноярского УИТЛиК – это сняло бы с них значительную часть нагрузки.

Размеры будущей подсудной территории и необходимость сохранения секретности в конце концов убедили МЮ СССР, и министерским приказом от 24 июля 1951 г. самостоятельный суд Енисейстроя учредили в составе 10 штатных единиц [11. Л. 137].

Усилия по организации нового суда увенчались успехом. Однако его штат не отвечал первоначальным запросам, поскольку подбор персонала вызывал серьезные трудности, о чем говорилось выше.

Наиболее распространенным преступлением среди заключенных являлись побег. С 15 августа 1945 г. по 20 февраля 1946 г. в суд Красноярского УИТЛиК поступило 38 дел на 42 чел. совершивших побег. По ст. 58-14 УК РСФСР судили 33 чел., по ст. 82. Ч. 1 (побег арестованного из-под стражи или места заключения) – 9 чел., с вынесением приговора суд рассмотрел 37 дел. На срок 8–10 лет осудили 22 чел., от 5 до 8 лет – 8 чел., менее 5 лет – 2 чел. Одного осужденного приговорили к высшей мере наказания, но расстрел ему заменили на 10 лет заключения [9. Л. 79–80].

Статьи, по которым возбуждались дела против беглецов, показывают, что бежали чаще всего рецидивисты, именно их судили по более «тяжелой» ст. 58-14. Из 42 обвиняемых было 36 мужчин и 6 женщин. 9 осужденных совершили побег повторно. 4 побега являлись групповыми, из них 2 совершили из зоны лагеря ночью, со взломом заграждения.

В.Н. Лакс пришла к выводу: причиной успешных побегов являлась недостаточная численность охраны и ее недисциплинированность. Так, заключенный Ладейской колонии Панков свободно прошел через вахту во время дежурства стрелка Пелушенко. Кузина бежала с объекта работ подсобного хозяйства отдельного лагерного пункта, после того как конвой отправил ее сдать сбор шиповника в аптеку. Рубцов вместе с конвоирами отправился из Берёзовской колонии в Красноярск за запасными частями. Они зашли в квартиру

осужденного, там выпили и легли спать, и заключенный, воспользовавшись пьяным сном своих охранников, скрылся [9. Л. 79–80].

Охрана мест заключения была серьезно ослаблена в военные годы. Вследствие огромных потерь Красной армии в 1941–1942 гг. со стрелков военизированной охраны снимали бронь, и они пополняли ряды защитников Родины. Их место занимали более старшие призывники, часто плохо обученные и морально неустойчивые. Поэтому заключенным не приходилось строить хитроумные планы побега, они пользовались ротозейством людей, призванных их охранять.

В первом квартале 1949 г. лагерный суд УИТЛиК Красноярского края рассмотрел 25 дел о побегах на 32 чел. 1 дело отправили по подсудности в другой суд. 3 дела на 3 чел. возбудили против беглецов из других лагерей, задержанных на территории края. Из общего числа осужденных за побег 7 осудили по ст. 82, 25 – по ст. 58-14.

Большинство осужденных за побег являлись особо злостными рецидивистами. Так, некий Чикарёв, признанный виновным линейным судом железнодорожного транспорта в крупном хищении товаров из вагонов, отбывая наказание в Бородинском отдельном лагерном пункте, совершил побег, но был пойман в 100 м. от места совершения побега. Короткое пребывание на воле стоило Чикарёву еще 6 лет лишения свободы. Всего же ему пришлось пробыть за решеткой 25 лет.

В отношении 4 подсудимых суд переквалифицировал обвинения со ст. 58-14 на ст. 82. Переквалификация произошла потому, что 2 подсудимых являлись несовершеннолетними, 2 других отбывали наказание за мелкие кражи. К 2 подсудимым суд применил максимальную меру наказания – 25 лет лишения свободы. Одного из них, Сёмочкина, еще в 1947 г. осудили по ст. 58-3 (сношения с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью их склонения к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции) на 25 лет лишения свободы. 3 июля 1948 г. он бежал. Находясь в бегах, Сёмочкин украл ружье и ограбил частную квартиру, угрожая ружьем хозяину. За побег его осудили на 25 лет лишения свободы, а за ограбление – на 5 лет [12. Л. 56–59].

Причины побегов были все те же: непрофессионализм охраны. Однако этому вопросу уделили достаточно внимания, и количество побегов в 1949 г. сократилось. В третьем квартале 1948 г. лагерный суд осудил за это преступление 52 чел., в четвертом квартале 1948 г. – 55, в первом квартале 1949 г. – 19 чел. [12. Л. 56]. Охрана лагерей предприняла меры, чтобы максимально затруднить заключенным возможность побега, но не изжила до конца это явление.

В суде Норильлага во 2 полугодии 1948 г. и первом квартале 1949 г. находилось 74 дела о побегах. За этот период осудили 124 чел. К 25 годам лишения свободы приговорили 18 чел., сроки заключения 20–25 лет получили 4, 15–20 лет – 6 чел., 10–15 лет – 3, 10 лет – 69, 8–10 лет – 6, 5–8 лет – 7, на 5 лет – 5, менее 5 лет – 6.

107 осужденных получили поражение в правах. К сроку свыше 10 лет обычно приговаривали тех, кто помимо ст. 58-14 привлекался и по другим статьям [13. Л. 79].

Часть беглецов совершали преступления либо при побеге, либо на свободе. Для выживания им необходимы были средства, которые, как правило, добывались незаконным путем.

В основном побег совершали те, чей срок заключения был велик, а до освобождения оставалось много лет. Во втором полугодии 1948 г. и за первый квартал 1949 г. основное количество беглецов составляли осужденные в 1947–1948 гг. на 10 лет лишения свободы и более крупные сроки. В большинстве случаев побег совершался с объектов работ, поскольку бригады заключенных охранял слишком малочисленный конвой [13. Л. 80].

За первые 9 месяцев 1952 г. в суд Красноярского УИТЛК поступило 32 дела о побеге, по ст. 58-14 – 13, по ст. 82 – 19. В остатке на 1 января 1952 г. оставалось 4 дела (2 – по ст. 58-14, и 2 – по ст. 82). В начале 1950-х гг. число дел о побеге неуклонно сокращалось (табл. 1).

Таблица 1

Количество дел о побеге, поступивших  
в суд Красноярского УИТЛК [14. Л. 60]

| Статья  | Год     | 1 кв. | 2 кв. | 3 кв. | Всего |
|---------|---------|-------|-------|-------|-------|
| 58-14   | 1950 г. | 23    | 25    | 46    | 94    |
|         | 1951 г. | 12    | 12    | 12    | 36    |
|         | 1952 г. | 3     | 2     | 8     | 13    |
| 82 ч. 1 | 1950 г. | 15    | 15    | 28    | 58    |
|         | 1951 г. | 12    | 14    | 12    | 38    |
|         | 1952 г. | 8     | 6     | 5     | 19    |

Всплеск побегов отмечался в третьем квартале, когда стремление вырваться на свободу особенно усиливалось с наступлением лета. Само же количество самовольных оставлений мест заключения сокращалось, что свидетельствовало об улучшении работы охраны. Стрелки ВОХР выросли как профессионалы и стали более ответственно относиться к своим обязанностям. Также стали чаще задерживать беглецов по горячим следам, что убеждало других заключенных в бесполезности побегов.

К сожалению, в источнике нет данных о числе побегов в четвертом квартале. Это не позволяет указать полное количество таких преступлений за год.

Число побегов сокращалось и в подразделениях Краслага, в 1952 г. в лагерный суд поступило 63 дела о побеге, из них по ст. 58-14 – 46, по ст. 82 – 17. Количество дел о побеге за первые 3 квартала в 1953 г. приведено в табл. 2.

Таблица 2

Количество дел о побеге, поступивших  
в суд Красноярского ИТЛ [15. Л. 50]

| 1 кв. 1953 г. |             | 2 кв. 1953 г. |             | 3 кв. 1953 г. |             |
|---------------|-------------|---------------|-------------|---------------|-------------|
| Ст. 58-14     | Ст. 82 ч. 1 | Ст. 58-14     | Ст. 82 ч. 1 | Ст. 58-14     | Ст. 82 ч. 1 |
| 12            | 6           | 3             | 1           | 10            | 3           |

Из общего количества таких дел суд Краслага рассмотрел по существу, с вынесением приговоров 29, в подготовительном заседании прекратили 4 дела. Всего за первые 3 квартала 1953 г. осудили 44 заключенных,

из них по ст. 58-14 – 37, по ст. 82 – 7. За тот же период 1952 г. осудили 77 чел., по ст. 58-14 – 58, по ст. 82 – 19 чел. [15. Л. 50].

Наряду с уменьшением количества дел о побеге в 1,7 раза уменьшилось и число заключенных, которых осудили за это преступление по сравнению с 1952 г., т.е. численность осужденных превышала количество побегов, что говорило о сокращении групповых побегов.

Значительному сокращению числа побегов способствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г., благодаря исполнению которого многие узники вышли на свободу, а у подавляющего большинства оставшихся в лагерях и колониях сроки заключения сократились вдвое.

В 1953 г. по решению Правительства производственные функции от Краслага передали Министерству лесной и бумажной промышленности, что также позволило сократить количество побегов [15. Л. 54].

Места заключения освобождались от несвойственных им функций, это позволяло охране и администрации выполнять свои обязанности более успешно, не отвлекаясь на организацию производства, а сократившееся количество сидельцев помогло уделять надзору за каждым больше времени и сил.

Серьезным фактором, дестабилизировавшим обстановку в местах заключения, являлся лагерный бандитизм. В послевоенный период лагерные подразделения по всей стране охватила волна насилия. В конфликтах между собой заключенные получали увечья и нередко погибали.

В 1946 г. и в первом квартале 1947 г. по делам о бандитизме суд Красноярского ИТЛ осудил 29 чел., из них в возрасте до 20 лет – 7, 20–25 лет – 5, 25–30 лет – 8, 30–35 лет – 6, от 36 и старше – 3 чел. 25 чел. ранее судили за кражи, грабежи и хулиганство, 10 – за бандитизм, 4 – за убийство, 14 – по ст. 58-1 (недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся измене) и 58-10, 5 – за военные преступления. 5 осужденных за бандитизм ранее приговорили к смертной казни, которую затем заменили на 10 лет лишения свободы. У 2 лагерных бандитов было по 8 судимостей, у 14 – 5–6 судимостей, у прочих – по 3–4 судимости [16. Л. 70].

За первое полугодие 1947 г. суд Красноярского ИТЛ рассмотрел 12 дел, возбужденных по ст. 59-3, по которым осудил 28 чел., из них 9 – к высшей мере наказания. Двоим, смертную казнь Верховный суд СССР заменил на 25 лет лишения свободы.

По одному делу к смертной казни приговорили Марию Жмыхову, и на 10 лет лишения свободы – Екатерину Мельник. В их бараке организовали танцы для заключенных, во время которых Жмыхова два раза ударила ножом бригадира женской бригады; когда та упала, Мельник нанесла ей еще несколько ударов, и женщины покинули помещение. Вернувшись через несколько минут, Мария, увидев, что бригадир жива, стала избивать ее ногами и бить ножом, пока та не умерла. Свой поступок Жмыхова, до того неоднократно судимая по ст. 59-3, объяснила так: «нам скучно без приключений, ну и что с нами делать?» [16. Л. 39].

Нахождение большого количества людей в замкнутом пространстве, помноженное на личную ненависть,

привело к кровавым инцидентам. Попытки сгладить ситуацию, организовав досуг заключенных, успеха не имели.

Опасались за свою жизнь не только заключенные. В подразделениях Краслага в первом полугодии 1947 г. имели место 2 случая, когда узники избили надзирателей железными прутьями. Пострадали трое сотрудников охраны, одному из них сломали руку [16. Л. 39].

Лагерный бандит представлял собой в среднем молодого мужчину, которого, несмотря на короткую жизнь, часто судили, как правило, за насильственные преступления. Такие люди не выказывали ни малейших признаков к исправлению, и лагерной администрации оставалось только подавлять их.

Это подтверждают характерные примеры из практики лагерного суда. В первом квартале 1946 г. к расстрелу была приговорена В.И. Егорова 1913 г. р. Имевший 7 судимостей Егоров, находясь в отдельном лагерном пункте (ОЛП)-1 Краслага, вооружившись топором, ночью вошел в барак и зарубил Конькова, который, по его словам, не отдавал долг. Во втором квартале 1946 г. высшую меру наказания получил судимый 5 раз Хайрул Хисматулин 1919 г. р. Отбывая наказание в штрафном лагерном пункте он на производстве зарубил топором заключенного Арботмана. Причины этого убийства выяснить не удалось. Ранее дважды судимого М.Я. Залозных осудили в первом квартале 1947 г. по ст. 59-3 к высшей мере наказания за то, что он убил заключенную Девяшину, не ответившую на его ухаживания.

Причинами, способствовавшими совершению насильственных преступлений, суд назвал то, что штрафной лагерный пункт не был приспособлен для содержания склонных к насилию узников. Штрафные изоляторы тоже не отвечали этим требованиям. Охрана редко проводила поголовные обыски с целью изъятия предметов, использовавшихся как оружие. Недокомплект охраны заставлял администрацию обращаться за помощью к заключенным, из которых набирались так называемые самоохранники, довольно ненадежный элемент. Вызывало опасения у суда и то, что в охране служили репатрианты [16. Л. 72–73]. Охрана не справлялась с локализацией насилия в местах заключения, поскольку ее численность и уровень подготовки не соответствовали стоявшим перед ней задачам.

Рост бандитизма объяснялся тем, что осужденные на сроки 20–25 лет за новые преступления, по существу, оставались без наказания. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь была отменена. 12 января 1950 г. вышел Указ ПВС СССР, который восстановил высшую меру наказания по отношению к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам. Лагерным бандитам расстрел по-прежнему не грозил.

Также в этот период обострилась борьба между различными группировками заключенных. Осужденный на 20 лет заключения Цицкиев сколотил банду в ОЛП-13 и 24 января 1951 г. с подельниками ворвался в барак, где они убили 6 спавших сидельцев. 4 осужденных по этому делу суд Енисейстроя приговорил к

25 годам лишения свободы, 2 получили по 10 лет лишения свободы. Из того же самого ОЛП-13 поступило дело на 12 чел., которые, вооружившись палками, избили воров-рецидивистов, а одного убили [17. Л. 23–24].

Заключенные объединялись в банды и для того, чтобы грабить других узников. 24–25 октября 1951 г. суд Енисейстроя рассмотрел дело банды А.П. Закаидзе, родившегося в 1929 г. в Тбилиси. В свою кампанию Закаидзе привлек: А.Р. Пучилина 1928 г. р.; М.Д. Прибылова 1927 г. р.; В.Д. Рачкова 1928 г. р.; Г.О. Корыстелева 1923 г. р.; В.А. Глазкова 1931 г. р.; М.Г. Артамонова 1926 г. р.; В.С. Силаева 1929 г. р. и А.Е. Романова 1921 г. р.

Молодые люди, отбывавшие наказание в ОЛП-14, отнимали вещи и продукты у заключенных. В октябре 1950 г. Закаидзе отнял джемпер, костюм и рубашки у Симагулина, после чего избил его. В марте 1951 г. он отобрал у Конарчука сапоги и 65 рублей и побил его. В том же месяце его жертвой стал Сыропятов, лишившийся брюк и временно потерявший трудоспособность после избиения. Будучи бригадиром, Закаидзе обложил денежным оброком членов своей бригады.

От безнаказанности тбилисец обнаглел и в начале мая 1951 г. пьяном виде явился к начальнику ОЛП-14 Кустову, оскорблял его и угрожал, за что был водворен в штрафной изолятор. Такого унижения «авторитет» снести не мог, членам банды из застенков пришлось задание – поджечь клуб-столовую. В ночь на 18 мая 1951 г. Артамонов, Пучилин, Рачков и Глазков исполнили приказ, в результате пожара государству был причинен ущерб на 147 682 руб. 79 коп.

Закаидзе по ст. 59-3 получил 25-летний срок заключения, а за грабежи – 20-летний. Общее наказание составляло 25 лет лишения свободы, поскольку большее поглотило меньшее. Его пособников наказали сроками от 10 до 20 лет [17. Л. 96–99].

Слабый контроль администрации за ситуацией в лагерных пунктах порождал такие случаи. Наиболее наглые и развязные заключенные, которым нечего было терять, брали власть, в свои руки, запугивая других сидельцев. А упразднением смертной казни способов воздействия на таких смутьянов, по сути, не было.

Таблица 3

Количество дел о бандитизме, поступавших в суд Красноярского УИТЛК [14. Л. 75]

| Статья | Год  | 1 кв. | 2 кв. | 3 кв. | Всего |
|--------|------|-------|-------|-------|-------|
| 59-3   | 1950 | 22    | 18    | 31    | 71    |
|        | 1951 | 17    | 12    | 10    | 39    |
|        | 1952 | 11    | 8     | 16    | 35    |

Число дел о бандитизме снижалось (см. табл. 3), что говорило и об усилении контроля со стороны администрации за положение в лагерных подразделениях и о хорошей работе лагерного суда.

Жертвами бандитов становились и те заключенные, которые нарушали законы преступного мира. Отбывавший наказание в Черногорском ИТЛ Стручков 5 января 1952 г. ударом топора по голове убил работавшего десятником Михайлова, после чего отрубил голову, завернул ее в бушлат и, принеся на вахту, вручил надзирателю, сообщив, что, поскольку Михайлов порвал с преступным

миром и стал работать десятником, ему «не положено было жить». Суд Красноярского УИТЛиК осудил Стручкова на 25 лет заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Первые 5 лет он должен был находиться в тюрьме [14. Л. 78].

В том же лагере прибывший в штрафное отделение Хаметзянов решил установить свою власть над другими узниками, но там властвовал Тетерин. 3 мая 1952 г. Хаметзянов убил соперника тремя ударами топора по голове. Это стоило ему 25 лет лишения свободы [14. Л. 78].

Черногорский ИТЛ представлял собой крайне беспорядочное место. В 1952 г. там во время массовых беспорядков погибли 12 чел., а 9 получили тяжелые ранения. В ходе судебного заседания, где допросили 70 свидетелей, не установили ни одного из тех, кто принимал участие в убийствах и избиениях. Многие заключенные и даже надзиратели изменили показания, боясь мести. В суде в таком положении вещей обвинили администрацию лагеря, и часть работников понесли наказание [14. Л. 78].

Охрана не успевала вовремя пресекать такие деяния, и суду приходилось бороться с бандитизмом уже постфактум. Подобное положение вызывало раздражение у судей – бессилие охраны прибавляло им работы.

За первый–третий кварталы 1952 г. суд Красноярского УИТЛиК рассмотрел 14 дел о групповых актах бандитизма и осудил по ним 45 чел.; по одиночным актам – 21 чел. В суде установили: бандиты предпочитали душить своих жертв подручными средствами (портянка, полотенце и др.), для совершения такого преступления требовалось не менее двух человек. Групповые удушения часто происходили в ШИЗО, СИЗО и бараках пересыльных пунктов.

4 осужденных за бандитизм не достигли возраста 18 лет, 19 – были в возрасте 18–20 лет, 32 – 20–25 лет, 5 – 25–30 лет, 4 – 30–40 лет, 2 – старше 40 лет. 21 осужденный за бандитизм имел до того одну судимость, 30 – 2 судимости, 12 – 3 судимости, 2 – 4 судимости, 1 – 5 судимостей. Одного осужденного, ранее судили за «контрреволюционные» преступления, 2 – за убийство, 13 – за хулиганство, 25 – за хищения социалистической собственности, 32 – за хищения личной собственности, 10 – за побег, 3 – за изнасилования, 9 – за бандитизм. Суд выяснил – эти данные не вполне точны, некоторым осужденным удалось скрыть свои судимости [14. Л. 81–83]. Плохо организованный документооборот позволял узникам утаивать о себе важные сведения, и лагерная администрация порой не знала, чего ожидать от того или иного сидельца.

В подразделениях Красноярского УИТЛиК за первый–третий кварталы 1952 г. зафиксировали 17 случаев бандитских нападений группами и в одиночку с помощью самодельного холодного оружия – ножей, пик, штырей, в 8 случаях вооружались орудиями труда – топорами, ломами, кувалдами, в 10 – душили полотенцами, портянками, нательным бельем, в одной случае убийство совершили деревянным брусом.

Убийства часто отличались особой жестокостью. Так, Гусев убил Гущина, нанеся ему 17 ранений металлической пикой в область груди и сердца. Пшенников прикончил Тупикина, входившего во враждебную

группировку, причинив ему 12 ножевых ран. Красильников и Положенцев задушили полотенцем Королёва, содержавшегося вместе с ними в камерном бараке.

14 убийств совершили по мотивам принадлежности жертв к враждебной группировке, 5 – из личной неприязни, 12 – из мести за выполнение заключенным административных функций, 1 – в результате разбойного нападения, 1 – в борьбе за лидерство, 2 – после проигрыша в карты. Всего жертвами бандитских нападений и убийств являлись 59 заключенных [14. Л. 84].

Ни один заключенный не мог чувствовать себя в безопасности. Принадлежность к какой-либо группировке, сотрудничество с администрацией или даже простая ссора с другим узником могли стоить ему жизни. В местах заключения фактически шла война между членами разных банд, «правильными» заключенными и теми, кто шел на сотрудничество с администрацией. Масштабы этой бойни были столь велики, что остановить ее оказалось крайне сложно.

Суд установил, что и в транзитно-пересыльном отделении Красноярского УИТЛиК условия содержания способствовали бандитским нападениям. Это отделение не подготовили надлежащим образом к приему этапов. Оно не имело отдельных зон, где можно было отделить друг от друга представителей враждующих группировок. Оперативная часть не выясняла, к каким группировкам относятся заключенные, поэтому относившиеся к враждебным сообществам сидельцы оказывались в одной камере. Плохо организовали и профилактическую работу, что не позволяло выявлять такие преступления на стадии замысла. Надзирательский состав не укомплектовали полностью, а имевшиеся сотрудники были слабо подготовлены. И здесь обыск заключенных, при вводе их в зону лагеря с объекта работ, проводился недостаточно тщательно [14. Л. 84–85].

В местах заключения кровопролитие не являлось чем-то из ряда вон выходящим, там господствовало право сильного. Заключенные «исповедовали» особую систему ценностей, нарушители которой, в их представлении, подлежали уничтожению. Рассматривая такие дела, суд был вынужден признать – администрация слабо контролировала ситуацию и не справлялась с волной бандитизма.

Лагерные суды упразднили Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1954 г. 5 мая 1954 г. Министерство юстиции СССР издало приказ о передаче дел лагерными судами, судам общей юрисдикции [18. Л. 22].

Эти инстанции создавались в спешке, они фактически являлись «бедными родственниками» советской юстиции, кадры для них подбирались по остаточному принципу. Число лагерных судов рассчитали «спустя рукава», без учета особенностей того или иного региона, поэтому приходилось создавать новые суды с целью разгрузки старых. В ходе судебных процессов являлись условия, приводившие к преступлениям, однако администрации лагерей не располагала ресурсами для преодоления этих недостатков. Поэтому не приходилось ждать от лагерных судов решения задач, ставящихся перед ними.

Еще в 1949 г. председатель Верховного суда СССР А.А. Волин признал неэффективность лагерных судов и их инородность в советской судебной системе. По его словам, «при существующем положении, когда нет стройной судебной системы по рассмотрению дел о преступлениях, совершенных в лагерях, и нет единой подсудности, нарушается единство судебной практики, создается путаница в разрешении дел и не

обеспечивается эффективность в борьбе с преступностью» [19. Л. 4–5].

В Красноярском крае учреждение лагерных судов, не помогло решить проблему с огромными расстояниями между местами совершения преступлений и местом нахождения судебных инстанций.

Исходя из этого, лагерные суды упразднили и их функции передали судам общей юрисдикции.

#### Список источников

1. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 415 с.
2. Шкаревский Д.Н. Органы лагерной юстиции в СССР (1934–1956 гг.): историко-правовой анализ. Брянск : МОО «ИС», 2021. 254 с.
3. Шкаревский Д.Н. О некоторых особенностях функционирования лагерных судов во второй половине 1940-х гг. – начале 1950-х гг. // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. Вып. 4. С. 98–103.
4. Шкаревский Д.Н. Аномалии в деятельности лагерных судов // Lex russica. 2021. Т. 74, № 1. С. 82–93.
5. Шкаревский Д.Н. Кадровый состав лагерных судов в 1944–1956 гг. в СССР // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 496–507.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 19.
8. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 769.
9. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 51.
10. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 350.
11. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 390.
12. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 252.
13. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 287.
14. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 452.
15. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 556.
16. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 162.
17. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 423.
18. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 632.
19. Российский архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 136. Д. 69.

#### References

1. Ivanova, G.M. (2015) *Istoriya GULAGa: 1918–1958* [History of the GULAG: 1918–1958]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Shkarevskiy, D.N. (2021) *Organy lager-noy yustitsii v SSSR (1934–1956 gg.): istoriko-pravovoy analiz* [Camp Justice Bodies in the USSR (1934–1956): Historical-Legal Analysis]. Bryansk: MOO "IS".
3. Shkarevskiy, D.N. (2021) O nekotorykh osobennostyakh funktsionirovaniya lager-nykh sudov vo vtoroy polovine 1940-kh gg. – nachale 1950-kh gg. [On Some Features of the Functioning of Camp Courts in the Second Half of the 1940s – Early 1950s]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo*. 4. pp. 98–103.
4. Shkarevskiy, D.N. (2021) Anomalii v deyatelnosti lager-nykh sudov [Anomalies in the Activities of Camp Courts]. *Lex russica*. 74 (1). pp. 82–93.
5. Shkarevskiy, D.N. (2021) Kadrovyy sostav lager-nykh sudov v 1944–1956 gg. v SSSR [Personnel Composition of Camp Courts in 1944–1956 in the USSR]. *Vestnik arkhivista*. (2). pp. 496–507.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 4. File 1.
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 19.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 769.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 51.
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 350.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 390.
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 252.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 287.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 452.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 556.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 162.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 423.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 632.
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 136. File 69.

#### Информация об авторе:

**Печерский В.А.** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: volody75.75@mail.ru

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*

#### Information about the author:

**V.A. Pecherskiy**, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

*The author declares no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 22.05.2024;  
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 22.05.2024;  
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.